

© 2010 г. М.М. Шубина

**ОБРАЗЫ ЭЛЛИНОВ И «ВАРВАРОВ» В ТРУДАХ
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ**

Рассматривается отношение греческих философов к таким категориям, как свобода, рабство, варварство. Через творчество классиков прослеживается превосходство греческой культуры, ее несхожесть по сравнению с остальными культурами. Особое внимание уделяется поляризации эллинов и персов.

Ключевые слова: эллины, варвары, персы, Ксенофонт, Фукидид, Аристофан, Эсхил.

В IV в. до н.э. античные полисы после Пелопоннесской войны были достаточно слабы в экономическом и политическом плане. В частности Афинами было полностью утрачено свое влияние. Причиной кризиса государственной системы была несостоятельность демократии. Будущее, как правило, связывалось с Востоком. Власть Персии распространялась на все территории Азии и Африки. В интеллектуальных греческих кругах был замечен рост персофильских настроений. Эти настроения выражены в труде Ксенофонта «Воспитание Кира». В нем Ксенофонт предлагает собственное видение педагогики на примере воспитания персидского царя Кира I. Ценность этой книги в том, что она дает ясное представление о взглядах и симпатиях самого Ксенофонта. Кир изображается в ней как эталон мудрого, справедливого, но твердого монарха. Хотя Ксенофонт об этом прямо не говорит, но ясно, что он противопоставляет такого рода монархию выродившейся, распущенной демократии греческих полисов, в частности Афинам. Ксенофонт в «Анабасисе» применяет выражение «раб» по отношению к Киру Младшему. С другой стороны, когда Ксенофонт называет Фарнабаза и других персов «рабами царя», он не только противопоставляет свободу и рабство, но и подчеркивает приниженное положение сатрапов, вытекающее из их социального статуса. В трудах Ксенофонта можно найти образные характеристики персов, которые могут быть признаны образцом греческой антиперсидской пропаганды IV в. до н.э. В «Анабасисе» историк неод-

нократно утверждает военное превосходство эллинов над варварами [1]. В изображении этого историка Азия существенно отличается от того, как она представлена у Геродота. Сохраняя на протяжении всего текста противопоставление «эллины – варвары», Ксенофонт, безусловно, изображает Азию как единое целое под властью персов. В тексте «Анабасиса» могут быть выделены моменты, как препятствующие, так и способствующие указанному выше процессу этнополитической консолидации Эллады.

Отсутствие политического единства Азии изображается Ксенофонтом, во-первых, посредством описания династических распрей (Кир — Артаксеркс), во-вторых, указанием на наличие в Азии племен, не подчиняющихся Царю (кардухи, таохи, халдеи, макроны). Упоминание макронов особенно примечательно, поскольку эллины заключают с ними союз. Кроме того, упомянут в «Анабасисе» и мятежный персам Египет. Изображение политической разобщенности Азии в противоположность процессу консолидации Эллады должно рассматриваться как амбивалентный фактор: с одной стороны, политические неурядицы в Азии ослабляют ее перед лицом эллинов и, следовательно, не требуют их объединения, а с другой — это облегчает решение задачи эллинской экспансии на Восток. Все моменты «несхожести» эллинов и персов в тексте «Анабасиса», следует, вероятно, отнести к факторам, способствующим консолидации Эллады. Показательно в этом плане поведение Тиссаферна и Артаксеркса: убив эллинских стратегов, последние выступают как безбожники и клятвопреступники. Сюда же следует отнести и те места текста, где говорится о превосходстве эллинов над персами. Наиболее показательна здесь сцена военного парада, устроенного Киrom. Идея греческого единства перед лицом персидской угрозы наиболее наглядно проявляется в изображении эллинов, оказывающихся в экстремальных ситуациях: после смерти царевича Кира и после гибели стратегов. Апеллируя к прошлому Эллады, Ксенофонт говорит о том, что нынешние персы — это потомки тех самых, которые уже не однажды бывали разбиты эллинами. Одним из главных отличий между эллинами и персами для автора «Анабасиса», как и для Геродота, является то, что у греков есть свобода, а у персов ее нет. Об этом говорит Кир Младший [1], то же констатирует сам Ксенофонт в речи, произнесенной после гибели стратегов, эта идея передается и через отношение персов к их вождям. После кончины Кира верные ему персы переходят

на сторону Артаксеркса, в то время как после смерти стратегов эллины выбирают себе новых. Следовательно, в «Анабасисе» Ксенофонт изображает взаимоотношения персов и эллинов, безусловно, с позиции идей, наследованных у Геродота. В то же время, в отличие от «отца истории» Ксенофонт не представляет Азию как единое политическое образование под властью персов. Только в описании самых экстремальных ситуаций конфликт между отрядом наемников и Артаксерксом обобщенно предстает перед нами как конфликт между Элладой и Персией. Разницу в изображении персов у Ксенофонта и в предшествующей ему исторической традиции можно объяснить, вероятно, изменением самой исторической ситуации [2].

В другом своем произведении Ксенофонт сообщает, что Агесилай во время пребывания в Малой Азии освободил жителей малоазийских греческих городов от всех повинностей. Которые они несли как рабы своим господам, оставив только те, которые обязаны исполнять свободные люди, повинующиеся властям [1]. По другому случаю Ксенофонт повествует, что во время зимовки войска в Эфесе в 396/5 г. до н.э., Агесилай приказал продавать в рабство захваченных пиратами варваров нагими, чтобы воины увидели белизну их кожи из-за того, что они никогда не раздевались, изнеженность и непривычность к труду, и таким образом решили, что их война ничем не отличается от войны с женщинами [2]. Наконец, при изложении переговоров в Сузах 367/6 г. до н.э. Ксенофонт передает слова аркадянина Антиоха, произнесенные в собрании «десяти тысяч», что у царя много пекарей, поваров, виночерпиев и привратников, однако при всем старании им не удалось увидеть людей, которые могли бы сражаться с греками [2]. Ксенофонт полагал, что лучшим средством для процветания афинского полиса было бы приобрести общественных рабов числом по три на каждого гражданина. Следует отметить, что подобные идеи, и даже в более негативном для персов всеете, сформулированы в «Киропедии»: восьмая книга этого труда завершается суждениями в отношении перемены персами своего образа жизни в худшую сторону по сравнению со временем Кира Великого. В своих политических памфлетах, особенно «Панегирике» и «Филиппе», которые считаются образцом греческой панэллинской пропаганды, Исократ рисует яркую картину «рабского состояния» в Персидской державе: «Не могут люди, выросшие в рабстве и никогда не знавшие свободы, доблестно сражаться и побеждать. Откуда взяться

хорошему полководцу или храброму воину из нестройной толпы, зато к рабству приученной лучше собственных рабов. Даже знатнейшие их вельможи не имеют понятия о достоинстве и чести; унижая одних и пресмыкаясь перед другими, они губят природные свои задатки; изнеженные телом и трусливые душой, каждый день во дворце они соревнуются в раболепии, валяются у смертного человека в ногах, называют его не иначе как богом и отбивают ему земные поклоны, оскорбляя тем самым бессмертных богов». Далее оратор называет такие качества персов самого высокого ранга как вероломство, трусость, раболепие и высокомерие. Если подобные заимствования и объясняют происхождение противопоставления свободных греков и варваров-персов как «рабов царя», то они должны были иметь место не позднее второй половины VI – начале V в. до н.э. Дальнейшему развитию этой поляризации мог способствовать уже непосредственно накопленный опыт взаимоотношений с персами самих греков, как постоянно находившихся при персидском дворе, так и участников греческих посольств в Персию, часто посещавших Вавилон или Сузы в V-IV вв. до н.э., а так же история греческих побед над персами в период военного конфликта.

При обращении к рассмотрению представлений о варварах-персах в трудах Фукидида, необходимо сделать несколько замечаний. Во-первых, в создании образа варвара у знаменитого афинского историка фактически не уделяется внимания лингвистическому критерию. Вероятно, это не упущение, но вполне сознательная позиция автора. Это видно хотя бы по утверждению Фукидида о том, что Гомер не употреблял слова «варвар», поскольку к его времени эллины еще не отделились от варваров и не объединились под общим именем (и далее следуют сравнения эллинских и варварских обычаев, призванные подтвердить тезис Фукидида об общности их происхождения). Гораздо большее значение для историка имеет этнический фактор, обусловивший поляризацию эллинов и варваров. Прилагательное «варварский» в тексте Фукидида [3], примененное по отношению к скифским лучникам, выполнявшим функции полицейской стражи в Афинах [4], демонстрирует, что типичным проявлением варварства в восприятии афинского историка были качества, прежде всего социокультурного свойства. Во-вторых, историк особо выделяет азиатских варваров, хотя нигде специально и не оговаривает их отличие от варваров европейских [3]. Что касается последних, то среди них

упомянуты некоторые эфирские племена, негреческие племена Сицилии, македоняне, иберийцы (которые в речи Алкивиада перед афинянами с призывом к сицилийскому походу признаются самыми воинственными из варваров), наконец, иллирийцы и фракийцы [3]. В особенности же два последних народа получают у Фукидида даже некую подробную характеристику. В отношении иллирийцев историк замечает, что «иллирийцы страшны для тех, кто с ними не встречался. Сам вид этих огромных полчищ способен внушить ужас; невыносим их громкий боевой клич, и пустое бряцание оружия усиливает это впечатление. Однако вступить в решительную борьбу с теми, кто способен стойко выдержать все это, они не в состоянии» [3]. Ведь они не сражаются в правильном боевом порядке и поэтому не считают позором покидать под натиском врага какую-либо порученную им позицию. Как бегство, так и нападение у них считаются одинаково похвальными, и поэтому сама доблесть варваров на деле остается непроявленной. «При их способе сражаться, не соблюдая строй, не подчиняясь команде, каждый охотно находит пристойное оправдание собственному спасению» [3]. При описании фракийцев, Фукидид особо отмечает их жестокость, говоря о том, что «ворвавшись в Микалесс, фракийцы стали разорять дома и святилища, убивать людей, не давая пощады ни старым, ни молодым, резали всех подряд кого ни встречали без разбора – и женщин, и детей, и даже вьючных животных и вообще – все живое, что попадалось на глаза. Ведь народ фракийский, подобно самым диким из варваров, если он уверен в своей безопасности, кровожаден до неистовства» [3].

В своем труде Фукидид неоднократно упоминает Греко-персидские войны. В этом случае он неизменно употребляет термин «варвар» в качестве указания на Великого царя Персии: во время войны с эгинцами, по словам историка, уже ожидали нападения варвара; на десятый год после битвы при Марафоне варвар с большим войском пошел поработить Элладу; все отпавшие от царя эллины и их союзники присоединились частью к афинянам, частью же к спартамцам немного спустя после изгнания общими силами варвара [3]. Подобные же примеры употребления термина «варвар» по отношению к царю Персии встречаются в труде Фукидида неоднократно [3]. Аристофан следует уже вполне определившейся для V в. до н.э. традиции употребления термина «варвары»: с одной стороны – это чужеземцы – негреки.

Он применяет также лингвистические критерии для характеристики варварства, которые присутствовали в более ранней драматургии, и даже развивает их. Аристофан, предлагавший в комедийной форме самую радикальную реформу социально-экономического строя, тем не менее, считал уместным весь труд земледельцев возложить на рабов. Он нередко выводит на сцену рабов, но они выступают, чтобы лишь способствовать раскрытию основной идеи автора. Иной раз под маской рабов у Аристофана скрываются видные политические деятели Афин. Обратимся к ряду примеров. В «Лягушках» Аристофан звучание варварской речи сравнивает с щебетом ласточки, в «Птицах» он считает, что варвары и вовсе не владеют языком, и грек, в случае долгого пребывания в чужеземной стране, способен обучить языку даже варваров [5]. Но понятие «варвар» у Аристофана включает и социокультурную характеристику, как можно судить по употреблению в комедии «Облака» выражения «человек невежественный и варвар» – в устах Сократа по отношению к своему нерадивому ученику Стрепсиаду[5]. Образ персов, называемых то варварами, то, по традиции, мидянами, очень характерен. Особенно в этом отношении примечательны три комедии: «Арахняне», «Осы» и «Птицы». В «Арахнянах» Аристофан словами посла, явно в насмешку, говорит, что варвары (в этом случае, несомненно, персы) считают только тех из людей мужчинами, кто способен много есть и пить. В той же комедии он выводит на сцену персидского посланника в Афины – Псевдо-Артаба. В первом случае, персидский эмиссар высказывается непонятно для греков, однако, как это признается теперь в востоковедческой литературе, попытки комедиографа представить «варварскую речь» были ничем иным, как воспроизведением с некоторыми искажениями подлинной персидской речи. Таким образом, перед нами уже не варваризм, и не «звукоподражание», которые присутствуют в драмах Эсхила. Во втором случае, при выражении отказа царя прислать золото в Афины, Псевдо-Артаб произносит свою фразу на «варварский манер», т.е. на искаженном греческом языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ксенофонт*. Анабасис. М., 1987.
2. *Спивак И.А.* Персы и эллины в «Анабасисе» Ксенофонта. М., 1987.

3. *Жебелев С.А.* Творчество Фукидида. М., 1989.
4. *Фролов Э.Д.* Скифы в Афинах // ВДИ. 1998 № 1
5. *Ярхо В.Н.* История всемирной литературы. Т. 1. М., 1983.

*Южно-Российский государственный
университет экономики и сервиса*

14 февраля 2010 г.
